

УДК 303.446.2

*Смирнова Г.Е.
(Москва, Россия)*

БРИТАНСКИЙ ОПЫТ ДИСКУССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На сучасному пострадянському просторі йде процес формування нових ідентичностей. Досвід Британії, країни, яка багата на демократичні традиції, може бути корисним та цікавим для цивілізованого будівництва нації, головною складовою частиною котрої є патріотизм. «Міркування стосовно патріотизму» другої половини XVIII сторіччя заклали фундамент британської національної патріотичної ідеї та започаткували практику опозиції офіційної влади.

Ключові слова: *патріотизм, дискусія, національна ідентичність, традиція.*

На современном постсоветском пространстве идет формирование новых национальных идентичностей. Опыт Британии, страны с богатыми демократическими традициями, может быть полезен и интересен для цивилизованного нациесроительства, одной из основных составляющих которого является патриотизм. «Рассуждения о патриотизме» второй половины XVIII века заложили основу британской национальной патриотической традиции и послужили началом практики оппозиции официальной власти.

Ключевые слова: *патриотизм, дискуссия, национальная идентичность, традиция.*

The period of new national identities formation is now taking place on the post soviet territory. British experience in this sphere could be useful and interesting for civilized forging the nation as it introduces the example of the country with extensive democratic tradition. Patriotism is one of the basic components of the process. "Discourse of Patriotism" taking place in the second part of the XVIII century created the foundation of British national patriotic tradition and started the practice of opposition.

Key words: *patriotism, discourse, national identity, tradition.*

Процесс формирования национальной идентичности, активно идущий в наши дни на постсоветской территории, подразумевает пересмотр отношения к базовым сопутствующим понятиям. Одним из них является, без сомнения, патриотизм. Что есть подлинный патриотизм, кто вправе называть себя патриотом, как патриотизм соотносится с

идеи служения обществу и государству, с государственной властью? Данные вопросы волнуют передовую общественность и рядовых граждан.

Британия, страна с богатой демократической традицией, обладает бесценным опытом ведения политической дискуссии на эти темы. Впервые на государственном уровне она развернулась во второй половине XVIII века. В Британии в этот исторический период уже завешен процесс формирования государства, в недрах многонациональной империи идет процесс складывания национального самосознания, только в результате которого огромная, разбросанная по карте территория Великобритании, способна стать единым Отечеством, родным домом для подданных. Британцам уже не хватает одного символа – короля. Они создают дополнительные. Составляется первый толковый словарь английского языка, энциклопедия, утверждается единый национальный гимн, под пером Джона Арбетнота рождается национальный герой, типичный англичанин – Джон Булл.

Однако в условиях расширения территории империи и роста национального самосознания возникает реальная опасность сближения понятий «патриотизм» и «национализм», в результате чего резко негативную коннотацию получает употребление как самого термина «патриот», так и всего, что связано с понятиями «государство», «страна», «отечество», «общее благо».

Внешняя экономическая и политическая стабильность английского общества второй половины века – состояние весьма хрупкое. И это хорошо сознавали современники. Реальность таила в себе огромное количество противоречий, и это привело к возникновению того, что английский историк Дастин Гриффин назвал «A Discourse of Patriotism» («дискуссии о патриотизме»). Их участники боролись за право носить имя «патриота», а также обсуждали подлинную природу патриотизма.

Возможность для данного процесса была создана наличием в английском парламенте и обществе реальной легальной оппозиции, существовавшей в правительстве в рамках палаты общин. В английской публицистической и художественной литературе данная традиция зародилась еще со времен существования общества «Марка Писаки», в которое входили Дэфо, Стерн, Аддисон, Поуп, многие другие видные деятели Просвещения начала века. Спектр вопросов, обсуждаемых на страницах многочисленных газет и журналов, простирался от поднятого Дэфо «кто есть истинный англичанин» («как результат смешенья всякой рвани, и мы возникли, то бишь – Англичане» [1:37]), до деятельности правительства и критики в его адрес. В Британии изучаемого периода цензура существовала. Вольнодумство на театральных подмостках запрещено, но нет ограничений на свободу слова в средствах массовой информации, разрешены публикации любого рода литературы – лишь бы ее читали. Существует свобода публичного выступления в палате общин парламента – наиболее «свободомыслящего» органа государственной власти.

В последние годы правления премьер-министра Роберта Уолпола (1721-1742) часть его политических оппонентов, в основном из партии вигов, объединяется под лозунгом «Патриотизм», выдвигая обвинения в адрес коррумпированного правительства Уолпола, в защиту традиционных британских «свобод». Одним из главных действующих лиц, принявших участие в данных дебатах, был Генри сент. Джон виконт Болингброк, пред-

ставитель парламентской оппозиции. Стронники Болингброка ратовали за усиления влияния Палаты Общин в парламенте, во внешней политике придерживались националистической позиции, обращаясь к памяти Эдварда III и Генри V с их блистательными военными победами над Францией, а также Елизаветы, отразившей нашествие испанцев. Их недовольство вызывала внешняя политика Ганноверской династии. Они считали, что участие в континентальных войнах преследует не национальный интерес, а интересы правящей династии, а основным источником развития территориального развития страны видели так называемую «blue water policy», то есть политику, направленную на развитие международной морской торговли. Стронниками Болингброка были видные политические деятели того времени: Лорд Честерфилд, Джордж Литтелтон, Вильям Питт и другие. Взгляды этой группы политиков были изложены Болингброком в ряде философских работ: «Трактат о партиях» («A Dissertation on Parties» 1733), «К вопросу о духе патриотизма» («On the Spirit of Patriotism» 1736), «Идеи о короле-патриоте» («The Idea of a Patriot King» 1738), «Национальная религия» («A National Religion» 1754).

В них автор дает картину идеального государства. Самая главная ценность этого государства – свобода, базирующаяся на конституционных правах граждан. «Если рассматривать свободу в качестве сочных спелых плодов, которыми так долго кормилась британская нация, которые принесли нам богатство и силу и все те преимущества, которыми мы привыкли хвастать, то Британская конституция – это дерево, которое порождает эти плоды [здесь и далее перевод мой – Г.С.]» [2]. Для каждого из них служение стране становится моральным долгом, проистекающим из естественного стремления человеческой природы к добродетели. «Служение своей стране не химерический, а подлинный долг каждого гражданина. Всякий, кто признает существование любого другого вида долга, проистекающего из конституции или морального долга или его отсутствия, должен признавать подобное существование только во имя служения своей стране» [2].

Общество управляется законами двух видов. Первые даны Богом, и потому непреложны для всех. Это законы разума. Второй вид законов – законы, которыми управляется государство, принимаемые сообществом для того, чтобы им управляли. Этот вид законов человек создает сам для своего же блага. «Под первыми я подразумеваю всеобщие законы разума, под вторыми – собственно конституционные законы, которые общество устанавливает для управления собой» [2].

Во главе государства стоит король, не принадлежащий ни к какой партии, а потому лоббирующий интересы каждого отдельного гражданина Отечества. Идея короля-патриота, правящего свободными людьми – это идея патриархальной семьи, все члены которой объединены общим интересом, охвачены единым порывом, находятся в полном подчинении королевской власти и правительству, образуют партии, представители которых становятся членами правительства. «Подлинная суть союза свободных людей под управлением короля – патриота подобна сути патриархальной семьи, в которой глава семьи и все ее члены объединены общей идеей и воодушевлены единым духом» [2].

Король должен рассматривать единство своих подданных как величайшее достояние, которое он призван сохранять. И это должно стать главным идеалом его служения Отечеству и делом его жизни. «Разобщенность людей не может служить на благо общества, король, как нам представляется, должен рассматривать единение всех своих подданных

своим большим преимуществом, сохранение одного должно стать делом его жизни» [2].

Сам характер жителей Британии и система ее управления призваны способствовать развитию торговли и предпринимательства. Они – основа богатства нации, залог стабильности государства. Правительство и король-патриот должны заботиться об этом, уделяя, в связи с этим, особое внимание развитию колоний, ибо они – источник благосостояния страны. «Правление короля – патриота и его правительства должно быть направлено на то, чтобы все преимущества страны, данные ей природой, или достижения ее мастеров, были направлены на расширения торговли» [2]. А богатство нации должно рассматриваться им как его собственное богатство, могущество нации – как его собственное могущество, безопасность и честь Отечества – как его безопасность и честь. «Богатство нации он, на совершенно законных основаниях, должен рассматривать как свое богатство, могущество государства как свое могущество, безопасность и честь, как свои безопасность и честь» [2].

Что касается религии, она призвана быть общенациональной, благодаря своей репутации и доверию к ней граждан. Все остальные религии и религиозные течения должны рассматриваться только в соотношении с величием основной религии – это будет способствовать процветанию государства и стабильности политического управления. «Чтобы правительство имело возможность осуществлять все свои благие намерения, нужна религия. И религия должна быть общенациональной. Репутацию и поклонение этой религии надо культивировать. Все остальные религии и религиозные секты не должны получать возможность соперничать с ней» [2].

Философские размышления Болингброка настолько соответствовали официальной позиции правительства, что после их опубликования принимались всеми – и его сторонниками и противниками. Единственная позиция, которая не устраивала представителей кабинета министров, – это отсутствие патриотических настроений, направленных на наращивание военных действий. Однако сторонники подлинного патриотизма, в том числе и Филдинг и Джонсон, отмечали всю двуличность литературных воззваний Болингброка. В «Записках о патриотизме» 1768 года они писали: «Он только выдает себя за патриота, пишет и выкрикивает слова в защиту свободы и независимости, но все это распутство, все эти манипуляции, да что там, даже замашки на добродетельность будут приняты во внимание и канут в лета» [3:1].

Другую точку зрения на патриотизм высказал Генри Филдинг. В начале своей публицистической деятельности, во времена издания журнала «The Champion» (1739-1741), он всесторонне поддерживал официальную оппозицию. Позже, основав новый журнал «The True Patriot» («Истинный патриот»), Филдинг высказывает точку зрения, что подлинный патриот отличается от ложного тем, что он не только излагает свои мысли, но и предпринимает конкретные действия. «Ложный патриот прикрывается патриотизмом, чтобы утолить свои амбиции, утолить алчность, излить желчь и зависть – или любое другое мелкое чувство, скрытое в человеческой душе» [4:116-117]. В противовес этому Филдинг ставит «Любовь к своей стране, воплощенная в действие» [117] (он имеет в виду, конечно, Болингброка). Правда, далее он продолжает, что истинный патриот «приложит все возможные усилия к тому, чтобы не допустить возможности восстания, которое может грозить существованию нынешней королевской семьи, самой нации» [4:120].

Какого рода действия в понимании современников могли быть расценены как патристичные? Критика, прежде всего, привлечение внимания к уродливым проявлениям коррупции и меркантилизма на всех уровнях. Не случайно словарь Самюэля Джонсона дает такое определение слову «патриот»: «a factious disturber of a Government» [5 (2)] – «раскольнический нарушитель спокойствия правительства», нарушитель спокойствия, но не разрушитель столпов национального единства: законодательной системы, свободы личности, королевской власти. Обращая внимание на пороки общества, истинный патриот всеми доступными законными методами должен бороться с их преодолением. Но в то же самое время заботится о стабильности государства и его процветании. Думать об общественном благе, но не забывать о ценности отдельно взятой личности, об интересах каждого конкретного человека – не только духовных, но и материальных. Ибо только общество свободных, разумных и обеспеченных людей может быть основой столь милого сердцу каждого англичанина государства.

Одним из реальных проявлений «подлинного патриотизма» стало дело Уилкса (Wilkes) - члена парламента, который в своей газете «The North Brighton» (1763 год) начал кампанию против политики Георга III в отношении Пруссии (король обвинялся в ущемлении прав и законных привилегий парламента). Уилкс был посажен за это в тюрьму по распоряжению парламента «on state necessity». Был объявлен судебный процесс, арест был опротестован в суде как нарушающий принцип парламентаской неприкосновенности. Хотя послушный королевской воле состав парламента исключил Уилкса из своих рядов, впоследствии он, несмотря на явное противодействие властей, четырежды избирался представителем от графства Мидлсекс: этим избиратели демонстрировали власти независимость своей политической воли, а знаменитый тезис Уилкса «Public policy is not an argument in the court of law» («публичная политика не может быть аргументом в зале суда» [6:111]) стал лозунгом борцов за свободу слова.

Другим ярким событием в английской журналистике стали так называемые «Письма Юниуса», которые приписывались секретарю Питта Старшего Филиппу Френсису. В них содержались скандальные разоблачения английских политиков, причем перо журналиста не удерживалось даже от колкостей в адрес короля, но никоим образом не призывало к подрыву его власти. К королю у англичан вообще особое отношение. Даже если что-то в государстве идет не так, всегда можно сказать: «Правитель может сделать много, но все еще многое останется несделанным. Он никогда не может знать всех преступлений и редко может наказать за все то, что ему известно» [7:43-44]. Однако власть государя ограничена законом – и с этим придется считаться даже монарху.

К середине века политические традиции свободы слова, священных прав оппозиции и преимущественного парламентаского влияния уже обладали такой инерцией, что когда Георг III – первый представитель ганноверской династии, рожденный и воспитанный в Англии, – попытался изменить стиль политического правления, вернувшись к практике «личной власти» (что, кстати, вовсе не противоречило системе английского законодательства, в которой монарх считался главой исполнительной власти), подобный политический эксперимент окончился неудачей.

Кроме того, упрямое нежелание Георга III считаться с объективным положением дел в Америке и учитывать интересы колонистов, затянуло Англию в долговременный по-

литический конфликт, закончившийся крахом имперских претензий англичан в отношении североамериканских колоний. Ну чем не основание убедиться в неэффективности системы «личного правления» монарха в сравнении со сбалансированной наличием различных точек зрения системой парламентского правления. Система английского парламентаризма, выдержавшая в течение XVIII века целую серию политических кризисов, доказала свою исключительную жизнеспособность. Ведь даже подавляющее большинство английских радикалов рассматривало английскую форму правления как наилучшую и настаивало только на ее внутреннем реформировании, но никак не на смене принципа политической власти. Британцы по праву гордились традициями своей политической жизни! «В Англии, дорогой сэр, мы все сидим так, чтобы каждому было удобно» [8: 15]. И менять ничего не следует.

Еще не пришло время для серьезных политических выступлений. Интересен пример, приведенный историком Эдвардом Томсоном (членом коммунистической партии Великобритании, убежденным марксистом). Хлебные бунты в Англии XVIII века (1740, 1756, 1766 гг.) проходили по следующему сценарию: толпа не грабила амбары, не занималась кражей или дележкой зерна или муки, а приводила мирового судью, который устанавливал твердые цены на хлеб и затем инспектировал продажу хлеба по доступной, установленной цене. Как правило, акция заканчивалась тем, что толпа, прокричав «God save the King» спокойно расходилась по домам. И так продолжалось вплоть до 1795 года, когда в народных выступлениях, под влиянием событий во Франции, стала появляться якобинская направленность [9:184-185].

Серьезным мерилom «подлинного» и «мнимого» патриотизма стало отношение современников к освободительной войне в Америке. С одной стороны, процесс этот ознаменовал начало крушения империи, а вместе с ним и начало крушения имперских националистических амбиций англичан. С другой – колонисты Америки были выходцами из Британии, полноправными гражданами этой самой империи, подданными короны – с их умонастроениями теоретически необходимо было считаться. Очень важно не перешагнуть грань, которая отделяет подлинный патриотизм от агрессивного экспансионистского национализма. Например, под каким углом зрения рассматривать действия Уильяма Пита-старшего, графа Чатама, который до 80-х годов своими политическими аферами вряд ли мог заслужить себе имя «подлинного» патриота, но во время войны за независимость выступал за осуществления колониального господства более гибкими методами? Конечно, он не был сторонником развала империи, но необходимость реформ осознавал. Или как оценивать рассуждения Чарльза Кристина Ньюмена, высказанные в поэме «The Love of Our Country» (1783), в которой он, с одной стороны, выступает сторонником американских борцов за независимость, называя их подлинными патриотами, а с другой – отдает дань смелости английских солдат, выступавших на стороне короля и исполнивших свой долг, называя их «добровольными жертвами борьбы за процветание страны, отдавшими за нее свою кровь» [10:25].

Дать объективную оценку отношению к войне за независимость в Америке возможно, только придерживаясь определенной идеологической платформы. Для британцев второй половины XVIII века их было две. Это платформа тех, кто был лично заинтересован в происходившем на Американском материке, то есть английских колонистов,

проживающих там. Для них независимость Америки – национальная борьба за новое национальное объединение, новое Отечество, унаследовавшее от британского общества любовь к свободе и жажду самостоятельности, борьба против колониальной зависимости и экономического притеснения. Для жителей материковой части империи получение Америкой независимости от основной монополии – это крушение просветительских идеалов, нарушение целостности государства, зарождение недоверия к правительству и королевской власти. Патриотизм может иметь два лица.

Британский патриотизм, традиции которого были заложены в XVIII веке, явление многогранное и неоднозначное. Одной из его отличительных особенностей является противопоставление «громкого» официального патриотизма, ложного в сознании британцев, патриотизму подлинному, проявляющемуся не в лозунгах и декларациях, а в служении Отечеству, гордости за него, соблюдении традиции как гаранта процветания и свободы, но не в подрыве существующих устоев, так как это полностью противоречит морали общества. Британцы горды, что живут в лучшем и справедливейшем обществе, когда-либо созданном Богом, своего рода патриархальной семье, где единение сограждан объясняется естественным стремлением наилучшим образом наладить свою жизнь.

Анализируя исторический опыт Британии второй половины XVIII века, легко провести многочисленные параллели с современной исторической ситуацией, что делает его крайне полезным для изучения и осмысления во многих странах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М.: Прогресс, 1987.
2. Modern history Sourcebook. Henry St. Viscount Bolingbroke: On Patriotism. (The text has been modernized by Prof. Arkenberg). <http://www.fordham.edu/halsall/mod/bolingbroke-patriotism.html>
3. Griffin D. Patriotism and Poetry in Eighteenth-century Britain. Cambridge University Press, 2002.
4. Fielding H. «The True Patriot». The True Patriot related Writings. Middletown, 1987. P. 116 – 117.
5. Johnson's Dictionary of the English Language. L., 1755, V.2.
6. David Mc. Dowall. An Illustrated History of Britain. Longman, 1989.
7. Доктор Джонсон. Принц Абиссинский. Восточная повесть. М., 1795.
8. Стерн Л. Сентиментальное путешествие. Воспоминания, письма, дневник. М., 1940.
9. Э.Томсон. Плебейская культура и моральная экономия. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX веков \ История ментальностей. Историческая антропология. М., 1996.